

А.В. Щипков

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Гродненский нарратив в контексте современной политической посттеологии

Аннотация: Автор статьи рассматривает на примере неудавшегося белорусского майдана религиозную политологию, характерную для идеологов церковного либерализма. Модельным объектом для анализа служит ситуация в Гродненской епархии, проповеди и выступления арх. Артемия (Кищенко) и его окружения, при помощи которых предполагалось переключить церковное влияние с сохранения гражданского мира на гражданский и религиозный конфликт, а также делегитимацию результатов политического электорального процесса. Религиозная политология определяется в статье как постсекулярный культурный гибрид. По мнению автора, этот феномен противопоставляется церковным либерализмом нормативной и догматически выдержанной теологии, идеи которой закономерно распространяются и на сферу политики. Также религиозная политология определяется как постмодернистское двоеверие и проявление современной посттеологии. В числе прочего рассматривается роль и последствия намеренной политизации католического фактора в контексте белорусских событий, а также связь политического католицизма с проблемой польского участия в разжигании конфликта внутри Белоруссии. Разбирается разница

в понимании свободы в секулярно-правозащитном дискурсе и в христианском смысле. Автор статьи подчёркивает, что идея теологизации собственно политического дискурса является грубой подменой политической теологии, то есть решения политических вопросов в теологическом духе. Этот постсекулярный гибрид или явление постмодернистской квазирелигиозности стремится секуляризовать Церковь, побуждая её занять ультраправые позиции в политическом спектре и вменяя ей на уровне теоретического базиса секулярные политические понятия и категории. В целом всё ведёт к политической секуляризации церковной проповеди, когда теология превращается в религиозную политологию, не связанную с христианством.

Ключевые слова: змагары, культурный гибрид, политическая теология, постсекулярность, посттеология, революция, религиозная политология, «теологии родительного падежа», церковный либерализм

Для цитирования: Щипков А.В. Гродненский нарратив в контексте современной политической посттеологии. *Ортодоксия*. 2021; №2. С. 224–242. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-224-242

Попытка неконституционной смены власти в Белоруссии предоставляет при внимательном рассмотрении уникальный материал для анализа — не только политико-идеологический, но также богословский и религиоведческий. Белорусские события служат яркой иллюстрацией постсекулярных когнитивно-поведенческих моделей, возникающих на границе религиозного и светского и связанных с практиками радикального либерализма. Причём местная белорусская специфика не ослабила, но, напротив, подчеркнула, оттенила универсальность этих моделей.

Религиозная политология как постсекулярный гибрид

Идеология змагарского путча, стремившаяся опереться в том числе и на церковно-религиозный ресурс, породила в церковной среде яркие образцы постсекулярной гибридности, применительно к которым используются также термины «постмодернистская теология» и «посттеология». Они характерны для самоидентификации маргинальных

неолиберальных групп, с одной стороны, соотносящих себя с историческим Православием и Русской Православной Церковью, но, с другой стороны, продвигающих идеи «православной реформации» и внутренней секуляризации Церкви, что само по себе парадоксально для представителя *ортодоксии*.

Частным случаем такой гибридности является религиозизация политических практик и доктрин. Если для консервативной паствы характерен теологический взгляд на политику с обоснованиями в духе идей неопатристического синтеза (Флоровский 2006; Флоренский 2014; Лосский 2015), или, к примеру, в духе политической теологии Карла Шмитта, то в либеральном поле мы имеем зеркальный антипод этой позиции. Здесь речь идёт, напротив, о сакрализации и превращении в своеобразную квазитеологию самой политики, понимаемой в духе неолиберального, а порой и постлиберального толкования «фундаментальных прав и свобод».

Последнее из упомянутых направлений — либеральная религиозная политология — берёт начало с небезызвестного «Богословия майдана» — идеологического манифеста церковного неолиберализма, написанного священником Кириллом Говоруном¹ в 2013 году, в самом начале трагических украинских событий. Этот текст уже является вполне посттеологическим, утверждающим вопреки статусу автора нехристианскую модель религиозности. Многие так называемые теологии родительного падежа, возникшие после теологии освобождения в протестантском пространстве, это постмодернистские выверты, склонные к такому же перерождению: «теология смерти Бога», «теология мирского Града», «теология после Освенцима», «теология после пандемии» и проч. «Теология майдана» — всего лишь одна из многих. Но либеральный обыватель в России, Белоруссии и на Украине зачастую просто не знаком с данным контекстом. Поэтому «теология майдана», направленная на экстраполяцию политического дискурса до квазитеологического, до сих пор популярна в либерал-православной среде.

Рассмотрение подобных явлений в логике церковной субкультуры вроде бы напрашивается само собой. Но, пожалуй, оно было бы всё же недостаточным, поскольку положение Церкви, напротив, нам это или нет, предполагает тесную взаимосвязь с политическими

¹ Кирилл (Говорун), архимандрит. Богословие Майдана. *Киевская Русь*. 2013, 12 декабря. — URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/churchlife/4975/> (дата обращения: 10.11.2021).

конфликтами в секулярном мире. Например, совершенно очевидно, что религиозные гонения на священников и паству УПЦ МП и легализация расколов на Украине стали результатом смены именно светского политического режима, условно «многовекторного» — на марионеточный и ультраправый.

Гродненская партия

Именно по украинской модели первоначально развивались события и в Белоруссии. Но в какой-то момент произошёл сбой политтехнологического кода, что-то пошло не так, переворот не удался. Возможно, у его польских заказчиков не хватило политического, информационного и финансового ресурса — напомним, что змагарский проект курируется в первую очередь Польшей в отличие от полностью проамериканского бандеровского. Но, скорее всего, как это бывает в таких случаях, сработал целый комплекс причин. В какой-то мере исход ситуации напоминал итог событий 2016 года в Турции, но там (как и на Украине) на стороне либерал-революционеров была часть армии, тогда как в Белоруссии раскола в среде силовиков не случилось, несмотря на откровенное запугивание их родственников оппозиционными активистами.

Но нас интересует не столько внешняя канва событий, сколько их идеологическое сопровождение, причём в той части, где предполагалось переключить церковное влияние с сохранения гражданского мира на гражданский и религиозный конфликт, а также делегитимацию результатов политического электорального процесса.

Ярким примером такого рода представляется деятельность архиепископа Артемия (Кищенко) (в прошлом — Гродненская епархия). По мнению некоторых экспертов, Артемий Кищенко негласно выступает одним из кандидатов на роль ставленника внешних политических кураторов оппозиции — такого же, как Светлана Тихановская. Это яркий сторонник оппозиционного политического направления и змагарского национализма, фигура достаточно заметная в белорусской политике. Свою идеологию архиепископ Артемий Кищенко не раз озвучивал в своих богословских высказываниях и проповеднических выступлениях, которые попали и в печать, и в видеопространство. Благодаря этому Гродненская кафедра при вл. Артемии превратилась в трибуну оппозиции, что для канонической Православной Церкви в Белоруссии, в отличие от церкви католической, выглядит довольно экзотично.

Именно гродненский нарратив может служить модельным объектом для изучения теологизации политики на белорусском материале.

Важнейший тезис в рамках данного нарратива — «нелегитимное насилие» власти и органов правопорядка, применяемое в ответ на противоправные действия оппозиции. В противовес этим действиям выдвигается указание на электоральные фальсификации, связанные с «недопуском» и «насильственным удалением» наблюдателей с выборных участков. Логическим завершением данного тезиса становится отмена формальной законности, возможная в якобы «исключительных» обстоятельствах. Этот завершающий вывод конвертируется в требование к священникам и пастве поддержать протестующих. Поддержать в обход юридического закона на основании закона морального — и вместе с тем в соответствии с революционной «законностью». Последняя редко называется по имени из-за опасения стилистического расхождения с паствой. Тем не менее, это один из ключевых концептов майданно-богословской политологии.

Лидеры гродненской партии обращают своё строгое внимание на «многочисленные претензии со стороны кандидатов, их штабов, наблюдателей, представителей медиа и, главное, — широких масс белорусского гражданского общества». Произносится всё это как самоочевидные истины, которые даже не требуют подтверждения фактами. Остаётся непонятным, какие претензии можно считать вполне «многочисленными» и что указывает на «широту» причастных к этим претензиям масс.

Экспертиза и пересчёт голосов лидерам оппозиции предлагались, но были отвергнуты, что представляется вполне закономерным: в самом деле, не ради чистоты подсчёта затевалась кампания гражданского раскола и использовалась тема «фальсификаций». Поэтому оппозиция безапелляционно утверждает, что официальные цифры «лживы». Присутствует старое как мир стремление, не доказывая своей правоты, просто «купить» её неправотой другого. Змагарский контрнациональный проект обвиняет в авторитаризме действующую власть, но сам выступает с позиции: «Власть — это мы, и мы никому ничего не собираемся доказывать». Ведь доказывать — значит десакрализировать. И это прекрасно понимают жрецы неолиберального фундаментализма. Поэтому их идеология отрицает аргументацию — её не подтверждают, в неё верят.

Священники, до сих пор признававшие «законы кесаря», тем же самым сакральным актом наделяются правом мгновенно отказаться

от этого признания. Но происходит это в момент политического кризиса и к явной выгоде одной из сторон. Затем — в случае победы революции и смены власти — священникам предписывается так же «внезапно» вернуться в рамки кесаревой юрисдикции. Понятно, что такое жонглирование моральными и юридическими компетенциями синхронно с намечавшейся, но не состоявшейся сменой власти вызывает у значительной части паствы многочисленные вопросы, но расчёт тут на другую, менее «значительную» часть.

С точки зрения арх. Артемия Кищенко и его немногочисленных единомышленников, в ходе противостояния оппозиции с властью имело место поправление «Правды», «Истины Христовой». При этом под «Истиной» подразумевается не сам Христос и Его Жертва, как принято в христианстве, но «демократические процедуры» в их либеральном понимании. Здесь примечательно стремление любой ценой перевести программные политические установки оппозиции в нравственную и религиозную плоскость — притом, что гражданско-правозащитный дискурс, в силу как секулярного происхождения, так и коммерциализации протестных технологий, крайне далёк от евангельского этоса. Что касается действий сотрудников милиции, то должностные преступления, если они доказаны, дают повод для обращения в прокуратуру, а не для «люстраций» и политических переворотов.

Тем не менее, гродненская церковно-политическая партия говорит о пагубности «нейтралитета» архиереев. По мнению её вождей-харизматиков, чтобы сохранить верность Христу, нужно защищать «правду и свободу», политические ценности. В соответствии с данной логикой, настоящие христиане — это представители гражданского общества (ядра протестов), а зло, стремящееся уничтожить церковь — власть и милиция. Кто борется с властью и милицией, тот якобы спасает душу. Так богословие входит в политическую дискурсивную среду, а учение Церкви подменяется политическим учением. Религия сливается с политикой, и политическое поведение начинает оцениваться как религиозное.

Протестный лайфхак

В легальном поле оппозиция проигрывает Александру Лукашенко, что вполне объяснимо: она более реакционна, более антисоциальна и антидемократична, и куда сильнее повязана «обязательствами» перед внешними «партнёрами». Подавляющая часть белорусского

народа, присматриваясь к примеру соседей, понимает, что лидеры протестов лгут. Их единомышленники в Киеве подавляли оппозицию майдану сперва бейсбольными битами и арматурой, а затем танками и бомбардировщиками. «Демократическая власть» Армении в лице Николы Пашиняна послушно сдала Нагорный Карабах, а после этого отказалась «слушать голос улицы» и не подала экстренно в отставку. Ни из чего не следует, что змагарская оппозиция повела бы себя иначе, тем более что она имеет тех же самых спонсоров. Оппозиция находится в очевидном меньшинстве, и создаётся впечатление, что она просто стремится списать на жёсткий ответ органов правопорядка неудачные для неё результаты выборов.

Задача оппозиции — сломить волю большинства, и основным политическим методом решения этой задачи становятся провокационные действия для искусственного создания ситуации политического кризиса. В данном случае самый короткий путь к цели это использование силового ресурса государства против самого государства. На похожих принципах, к слову, основаны многие политические провокации вроде поджога рейхстага или российских путчей 1991 и 1993 годов.

Чисто технически задача оппозиции решается с помощью постановки ложной альтернативы, связанной с проблемой «нелегитимного насилия». Органы правопорядка назначаются оппозицией ответчиком при любом развитии событий. Если силовики не реагируют на рост агрессии протестующих, считается, что они «не контролируют ситуацию». Если реагируют — их действия представляют как первопричину нарастания конфликта и объявляют проявлением «нелегитимного насилия». В условиях нарастающей хаотизации власть либо сдаётся добровольно, либо лишается легитимности в глазах бизнес-элит и части населения.

В рамках такого сценария, если только он не остановлен властью в самом начале его развёртывания, в обоих вариантах выигрывают сторонники госпереворота.

Но Александр Лукашенко смог вовремя заблокировать складывание этой майданной конструкции. Ему удалось разрушить харизмы лидеров оппозиции и отнять у них право определять критерии легитимности власти. Момент неопределённости был недолгим — 1–2 дня, оппозиция упустила момент, не смогла вовремя «подобрать с пола» власть и её вновь подняли законные представители государства.

Выборы и подсчёт голосов — это «окно возможностей» оппозиции в процессе транзита власти. Оно позволяет при желании создать кратковременный сбой в работе политических механизмов. Обвинения в фальсификациях, сколь угодно голословные, помогают сместить фокус общественного зрения из юридической в нравственную и религиозную плоскость (да, выборы — это ещё и ритуал, подобный гаданию древних авгуров на внутренностях птиц). В связи с этим «активному меньшинству» удаётся заявить о нелегитимности всей политической конструкции на том основании, что были якобы нарушены нормы человечности — ведь обратное не доказано властью или доказательства отвергнуты. У самой оппозиции при этом есть презумпция невиновности, поскольку её участие в насилии также «не доказано властью», но власть этой презумпцией не наделяется.

При «встречном» майдане, пример которого мы могли наблюдать в предвыборный год в США, а ранее — в Донбассе (движение анти-майдана), используются двойные стандарты. Например, беспорядки в поддержку Джона Байдена подаются как «высокая гражданская активность», а беспорядки в поддержку Дональда Трампа — как «экстремизм».

Рассматривая технологии уличной политики, важно понимать, что разгон и аресты виновников беспорядков по-настоящему выгодны именно организаторам переворота, тогда как для органов правопорядка и действующей власти это скорее печальная необходимость.

Революционная сакральность

Важной чертой риторики майданизированного духовенства является банализация понятия «революция». Этим словом стремятся называть любые уличные протесты, любое несогласие с действующей властью. Разумеется, далеко не всякий политический конфликт может быть назван революционным без риска девальвировать само это понятие. Но сознание белорусских церковных оппозиционеров действительно пропитано революционным нигилизмом, причудливо сочетающимся с моральным смыслом евангельских заповедей. Впрочем, эта гибридная стилистика довольно удачно перекликается с ораторскими выступлениями французских революционеров, любивших называть Христа «добрым санюлотом», а Троицу — «Верховным Существом».

Идея революции, скрывающаяся за такими благозвучными эвфемизмами, как, например, «сменяемость власти», обладает особого рода

сакральностью. Это сакральность без Бога, сакральность хаоса, притягивающего своей непредсказуемостью подобно морской стихии. Впрочем, этот магнетизм имеет вполне прозаический и утилитарный смысл. Как известно, глобальный капитализм развивается за счёт консервации отсталости мировых окраин (Валлерстайн 2008). На окраинах он поддерживает более архаичные социальные уклады, чем в мировом «ядре». Наилучшим инструментом для дестабилизации и архаизации являются революционные практики. Поэтому «революция» превращается в культурный институт, протестная деятельность профессионализируется и становится манипулятивным инструментом фиктивной демократии. Всё это позволяет глобальным элитам обеспечивать десуверенизацию мировой периферии. Как это происходит, хорошо видно на примере украинских и армянских событий.

При обстоятельном анализе участия либерального духовенства в политическом противостоянии стоит рассмотреть идею «морально обоснованной» революционности как культурную кальку богоизбранности; такого рода калькирование вообще характерно для постбогословия церковного либерализма.

Католический фактор

В ходе изучения белорусских событий легко прослеживается взаимосвязь: атаки змагарской оппозиции на президентскую вертикаль были чётко синхронизированы с атаками на единство Церкви. В риторике гродненцев преобладали политические предпосылки церковного раскола посредством «национальной автокефалии», понятой в духе украинского кирхенкампа, а также идея усиления католического влияния.

Характерно, что гродненское сообщество одновременно ставит в пример православным — католиков, а в пример священникам — секулярных политических харизматиков. Последнее было опробовано ещё в упомянутом выше «Богословии майдана», где прямым текстом заявлялось, что именно гражданский активист является сегодня мерилom совести и священству надо брать с него пример.

Фактически утверждается, что светские «политически активные» граждане честнее «аполитичного» духовенства. Этот тезис перекликается с более скромными по звучанию идеями евхаристического богословия, навязанными Церкви в 1980–1990-е годы. Только если в богословии Афанасьева и Шмемана ядро церковной жизни фактически

образуют миряне, то в майданном богословии это ядро смещается ещё дальше — в область секулярной политики и её активистов. Если в первом случае секулярная реформация церковного организма делает один шаг, то во втором практически идёт вскачь, буквально наделяя сакральным смыслом весь идейный репертуар светского либерализма: от правозащитной риторики до идей республиканизма. С епископской иерархии реформаторское течение переориентируется на сообщества прихожан, а те, по существу, расширяются до самого широкого круга «представителей гражданского общества», де факто становящихся чем-то вроде альтернативной паствы.

В своё время деятели Французской революции аналогичным образом смешивали религиозное с гражданским и политическим, вводили «гражданскую презумпцию» религиозной принадлежности: каждый француз обязательно католик и республиканец.

Отдельного упоминания достойна политизация католического фактора в политике, на которой делает акцент змагарский проект.

Гродненская партия утверждает: если Церковь не поддерживает митинги и не оправдывает «задержанных по политическим мотивам», то она теряет паству, которая уходит к более «честным» католикам. Таким образом, количество прихожан Церкви ставится в зависимость от её политической позиции, а вопрос конфессиональной принадлежности предлагается решать на площадях. Католики ставятся в пример православным, центром христианской жизни в Белоруссии провозглашается Католическая церковь. Конфессиональная принадлежность становится ни много ни мало синонимом политических взглядов.

Что касается понимания католицизма как некой политической, гражданской и — шире — цивилизационной и, в конечном счёте, антиправославной идеи, то этот тезис мы находим ещё у Петра Чаадаева в его знаменитом первом Философическом письме: «Что мы делали о ту пору, когда в борьбе энергического варварства северных народов с высокою мыслью христианства складывалась храмина современной цивилизации? Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презируемой этими народами Византии...» (Чаадаев 1989: 48). И так далее. Примечательно, что под сравнительно тонким покрывалом актуальной политики при первом же случае легко обнаруживается застарелая историческая ксенофобия по отношению к «восточной схизме» и «дикой византийщине». Характерно, что ретранслятором этого многовекового

«тренда» оказываются не кто-нибудь, но православные священники, приверженцы «свободных» и самых что ни на есть «прогрессивных» воззрений.

Данный исторический шовинизм во времена, более располагающие к строгой научности, трансформировался в известную социологическую догматику либерального эволюционизма, не допускающего мысли о том, что разные типы обществ могут иметь и разные типы эволюции и, более того, на известном этапе единственно возможного эволюционного процесса наступает не более и не менее как «конец истории».

Вполне очевидно, что этот комплекс идей, отчасти явно, а отчасти имплицитно присущий гродненской партии, делает почти невозможным «нейтральное» отношение к ситуации даже со стороны аполитичных членов Церкви.

Говоря о роли католического фактора в белорусской политике, необходимо отметить главное: религиозное здесь выступает как маркер политического, тем самым косвенно воспроизводя веберовскую логику культурализации и социализации религиозного.

Польский вопрос

Вполне очевидно, что ради политических целей оппозиция не гнушается идти на разжигание религиозной розни, поскольку сталкивает людей разных конфессий на политическом поле, исходя из презумпции политической честности одних и политической бесчестности других, из чего выводится возможность политических ультиматумов в адрес православного духовенства — «осуди режим или ты не друг всемирному либеральному кесарю». Но ещё более отчётливым смысл этой контroversы станет, если мы примем во внимание роль и интересы Польши и польских политических кругов в белорусской ситуации. Здесь важно отметить, что именно для Польши характерна политизация и своеобразная национализация католицизма, в связи с чем периодически возникает некоторое непонимание между польским и римским священством, а польскую версию католичества неофициально называют «католичеством в католичестве». Поэтому белорусская политизация конфессиональных различий является своеобразной калькой с притязаний польского политического католицизма — важного элемента польской национальной и государственной самоидентификации (что в своё время проявилось даже в рабочем антисоциалистическом движении «Солидарность»).

Нестабильность в белорусской политике в значительной мере завязана на «польскую проблему». Невозможно сбрасывать со счетов и польскую имперскую мечту о возрождении Речи Посполитой, и особое отношение польских элит к западной Белоруссии, в их политическом лексиконе именуемой «восточными кресами». Отсюда вовлеченность в конфликт польских политиков, политтехнологов и информационных центров: как известно, важным информационным спонсором неудавшегося переворота был польский ресурс NEXТА.

Таким образом, белорусский конфликт в немалой степени инициирован и поддерживается в угоду польским внешнеполитическим интересам, вплоть до территориальных претензий к Белоруссии. Первой в списке этих претензий стоит Гродненская область. Неудивительно, что первой в списке нелояльных белорусской государственности церковных субъектов в 2020 году стояла Гродненская кафедра под управлением архиепископа Артемия (Кищенко).

Именно поэтому можно не сомневаться в том, что хотя антинациональный, антигосударственный и антицерковный проект в Белоруссии потерпел поражение, политическое давление на Церковь будет продолжаться.

У России помимо общей заинтересованности в сохранении в Белоруссии лояльного к русским политического режима есть и более конкретные вопросы к организаторам переворота.

Сегодняшним аналитикам и комментаторам следовало бы лучше покопаться в истории белорусского майдана и отыскать *первую* опубликованную программу оппозиции, которую затем её вожди убрали с собственных ресурсов. Этот документ стоит просто лишний раз почитать — программа содержала абсолютно украинский, то есть, максимально русофобский сценарий. Лишь трудности с «развитием протеста» заставили кураторов проекта замаскировать первоначальные намерения.

Не секрет, что у змагаров имеются территориальные претензии к России, звучат требования вернуть якобы «исторические белорусские земли» — Смоленск и Брянск. С другой стороны, военизированные змагарские группы отметились в войне в Донбассе на стороне ВСУ в 2014 году. Таким образом, они причастны к военному геноциду русских на Украине. С третьей стороны, отметим огромное значение греко-католической ориентации для членов «Правого сектора» и таких украинских

нацбатальонов как «Азов», «Айдар», «Донбасс», «Таврия». Выводы напрашиваются сами собой.

Всё это означает нарушение прав огромного русскоязычного большинства в Белоруссии. Этому большинству нужны социальные гарантии, национально ориентированный политический курс, уважение к его религиозной идентичности, что, между прочим, исключает окатоличивание Белоруссии и разжигание религиозной и национальной вражды.

Двоеверие

Как известно, жанр гражданских протестов в наше утилитарное время подвержен оптимизации и монетизации и подчиняется логике эффективного менеджмента. В 2013–2014 годах исчезли последние сомнения на этот счёт.

Лидеры и среднее звено оппозиции — это профессиональная группа, работающая с такими социальными стратами как радикальная часть среднего класса, студенчество. В рамках этой деятельности конфликты с органами правопорядка — не внезапно возникший конфликт, а рутинные рабочие технологии, возможные аресты — профессиональные риски. И это одна из причин, по которым историю неудавшегося госпереворота некорректно переводить в нравственную и религиозную плоскость так, как это пытаются сделать арх. Артемий Кищенко и его сторонники. Например, правозащитный дискурс в силу профессионализации «протестных» технологий не может служить набором критериев для белорусских событий, хотя этот нарочито «наивный» взгляд на вещи усиленно продвигается либеральным священством. Но при переносе религиозных процедур на поле политики православная экклезиология неизбежно трансформируется по протестантской модели. Игумен Виталий Уткин, историк и богослов, в частности, говорит об этом так: «На рубеже 80-90-х годов Русской Церкви была фактически навязана концепция «евхаристической экклезиологии», рождённая под влиянием протестантизма в эмиграции о.о. Николаем Афанасьевым и Александром Шмеманом. Предельно грубо говоря, она видит в общине источник Евхаристии. Соответственно, понятие «литургия» обыгрывается как некое общественное действие и возникает представление о «литургии после литургии», где и футбол — якобы, «литургия». По сути, в такой парадигме Таинства подменяются социальностью. Совсем в грубом видении — мол, не социальность порождена Таинствами, а наоборот. <...> Преображённая

социальность в корне противоположна падшему миру, не является его продолжением, его оправданием. Для её описания невозможно применять социальную терминологию этого падшего мира»².

Разумеется, Церковь может влиять на политику и общество, но она подходит к этим вопросам с собственной повесткой и собственными, евангельскими и святоотеческими критериями, а не принимает в себя секулярный теоретический базис. Коротко говоря, Писание и патристическое наследие отнюдь не становятся при этом неким «Ветхим Заветом» по отношению к «Декларации прав человека». Поскольку секулярные правовые и идеологические доктрины — это отступление от христианского мировоззрения и, как мы знаем, все трагедии XX века, мировые войны и революции, подпитывались именно секулярными идеологиями.

Но арх. Артемий Кищенко, приняв новую, религиозную политологию, встаёт в один ряд с вождями секулярной оппозиции. С этого момента секуляристская ложь становится ложью либерального священника. Наряду с православием он теперь исповедует гражданскую религию узкой социальной группы — компрадорской части среднего класса и змагарских правых ультрас. Так возникает феномен церковного двоеверия.

Deus ex machina

Если взглянуть на проблему шире, можно сказать, что майдан представляет собой профессионально поставленный политический спектакль и одновременно политический бизнес-проект. Революция всегда включает элементы шоу, и требование «отдайте оппозиции улицу» должно подкрепляться наличием своих «мучеников». Политическому шоу-бизнес-проекту непременно нужны эти «мученики», хотя бы и выдуманные. Таков закон жанра альтернативной политики. И здесь именно Церковь в лице отдельных её представителей должна, по мысли лидеров эрзац-оппозиции, засвидетельствовать подлинность, неподдельность политических жертв. Без санкции либерального архиепископа «мученичество» так и останется рутинной политической метафорой, не приобретёт сакрального смысла, позволяющего революции побороть административные препоны. Эта санкция необходима и для того, чтобы достовернее представить госпереворот как внутренний гражданский

² Виталий (Уткин), игумен. Из дискуссии об евхаристической экклезиологии и святости. *Социальная сеть ВКонтакте*. 2021, 9 октября. — URL: <https://vk.com/@652766682-iz-diskussii-ob-evharisticheskoi-ekkleziologii-i-svyatosti> (дата обращения: 13.11.2021).

конфликт и противостояние народа с властью, в то время как на самом деле здесь имел место конфликт компрадорского либерального меньшинства с демократическим народным большинством.

Таким образом, представитель Церкви играет роль носителя последней, высшей санкции. Разумеется, к христианскому, литургическому пониманию жизни это не имеет никакого отношения.

Между двух свобод

Трактовка прав и свобод, которую Церкви предлагают принять и переписать языком библейских понятий и символов, имеет отнюдь не библейское, но языческое, древнеримское происхождение. Связано это и с влиянием на секулярный республиканизм античных правовых кодексов, и с различными целевыми установками христианского и нехристианского сознания.

Языческая трактовка свободы и права — это, в конечном счёте, идея легитимизации упорядоченного, минимизированного, «разумного» насилия и якобы неизбежного социального неравенства. Это своеобразная плата за успехи цивилизации. Цивилизационное понимание свободы предполагает козла отпущения. Комплекс языческих жертвоприношений лишь сублимируется и окультурируется секулярным республиканизмом и его пониманием свободы. Кто-то должен за эту свободу заплатить. Исторически это означает поражение в правах для париев цивилизованного мира: рабов, варваров, колонизированных племён, носителей «тоталитарного сознания» — например, белорусского социального большинства. И эта «римская болезнь» в очередной раз навязывается Церкви.

Но для христианина нет «легитимного» и «нелегитимного» насилия. В библейском понимании свобода есть не улучшение нравов, но полная автономия по отношению к языческому социуму, будь то египетскому, вавилонскому или римскому. Не «расширение свобод» (как всегда, не для всех), а выход из царства греха. Это принципиальное различие не позволяет священнику возводить внеморальную свободу в ранг важнейшей моральной ценности.

Христианская свобода — это выбор между добром и злом, а не выбор своих интересов в ущерб интересам «политически незрелых» и «пассивных» сограждан, как пытается это представить эрзац-оппозиция. Христианская и римская парадигмы свободы принципиально различны и не сводимы друг к другу.

Церковь просвещает, но не стремится насильно цивилизовать кого-то или подменить проблему добра и зла проблемой какого-нибудь «устойчивого развития». Церковь защищает гонимых за правду Христову, социально угнетённых, но не благополучных и политически ангажированных активистов: этот спор политических субъектов промеж собой не её спор. Церковь не «исправляет» политическую систему, но, подчиняясь уголовно-административному праву, живёт по собственной нравственной системе. В этом её иммунитет против «римской болезни».

Политическая теология vs религиозная политология

Идея теологизации политического дискурса является грубой подменой политической теологии, то есть, решения политических вопросов в теологическом духе. Это постсекулярный гибрид, явление постмодернистской квазирелигиозности.

Такая теологизация имеет несколько целей:

- Поместить Церковь в рамки секулярного политико-идеологического спектра;
- Заставить Церковь занять ультраправый сектор в этом спектре (ср., например, сотрудничество греко-католических и раскольнических групп с запрещённым в России украинским «Правым сектором»);
- Секуляризовать Церковь, вменив ей на уровне теоретического базиса секулярные политические понятия и категории.

В этой многоуровневой логике формируется религиозно-политическая секуляристская ересь, вызывающая симптомы духовного пленения у части священства.

Этот процесс ведёт к политической секуляризации церковной проповеди, а теология превращается в религиозную политологию, не связанную с христианством, как не связаны с ним и другие идеи неолиберально-ницшеанского «дивного нового мира».

Об авторе:

Щипков Александр Владимирович — доктор политических наук, кандидат философских наук, главный редактор журнала «Ортодоксия», профессор кафедры философии политики и права философского факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

декан социально-гуманитарного факультета, Российский православный университет святого Иоанна Богослова; 127051, Россия, г. Москва, Крапивенский переулок, 4, e-mail: info@shchipkov.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. — 176 с.

Лосский, В. Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В. Н. Лосский. — М. : Парадигма, 2015. — 543 с.

Флоренский, П. А. Философия культа / П. А. Флоренский. — М. : Академический проект, 2018. — 685 с.

Флоровский, Г. В. Пути Русского Богословия / П. А. Флоренский. — Минск : Белорусский экзархат, 2006. — 607 с.

Чаадаев, П. Я. Статьи и письма / П. Я. Чаадаев. — М. : Современник, 1989. — 624 с.

The Grodno Narrative in the Context of Modern Political Post-Theology

A.V. Shchipkov

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE,
MOSCOW, RUSSIA

M.V. LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract: The author of this article studies the religious political science, characteristic of the ideologists of church liberalism on the example of the Byelarussian Maidan. The model object of the analysis is the situation in the eparchy of Grodno, sermons and speeches of archpriest Artemiy (Kishchenko) and his entourage, with the help of which the church was supposed to switch the influence from preservation of civil peace to civil and religious conflict and delegitimation of the political electoral process's results. The article defines religious political science as a post-secular cultural hybrid. This phenomenon, according to the author, is contrasted by church liberalism with a normative and dogmatically-inspired theology, whose ideas legitimately extend into the realm of politics. Religious political science is also defined as a postmodern dualism and a manifestation of contemporary post-theology. The role and consequences of the intentional politicization of the Catholic factor are considered in the context of the Byelarussian events among other factors, including the connection between political Catholicism and the problem of Polish participation in fomenting the conflict inside Byelarus. The article analyzes the difference in the understanding of freedom in the secular-right discourse and in the Christian sense. The author emphasizes that the idea of theologizing political discourse proper is a gross substitution of political theology, that is, the solution of political issues in a theological spirit. This post-secular hybrid

or the phenomenon of postmodern quasi-religiousness aims to secularize the Church by inducing it to take ultra-right positions in the political spectrum and imputing secular political concepts and categories at the level of theoretical basis. Overall, this leads to a political secularization of Church preaching, when theology becomes a religious political science unrelated to Christianity.

Keywords: zmagars, cultural hybrid, political theology, post-secularity, post-theology, revolution, religious political science, “genitive theology”, church liberalism

For citation: Shchipkov A.V. The Grodno Narrative in the Context of Modern Political Post-Theology. *Orthodoxia*. 2021; (2): 224–242. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-2-224-242

About the author:

Alexander Vladimirovich Shchipkov — Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Editor-in-Chief of the *Orthodoxy* journal, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Dean of the Socio-Humanitarian Faculty, Russian Orthodox University of Saint John the Divine; 4 Krapivensky Lane, Moscow, Russia, 127051, e-mail: info@shchipkov.ru

REFERENCES

Wallerstein, I. (2008). *Istoricheskiy kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical Capitalism. Capitalist Civilization]. Moscow: The Association of Scientific Editions KMK. [In Russian].

Lossky, V. N. (2015). *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]. Moscow: Paradigma. [In Russian].

Florensky, P. A. (2018). *Filosofiya kul'ta* [Cult Philosophy]. Moscow: Akademicheskiiyproekt. [In Russian].

Florovsky, G. V. (2006). *Puti Russkogo Bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Minsk: Belorusskiy ekzarkhat. [In Russian].

Chaadaev, P. Ya. (1989). *Stat'i i pis'ma* [Articles and Letters]. Moscow: Sovremennik. [In Russian].